

- 1 ПСРЛ 2: 688.
- 2 Погодин М.П. *Древняя русская история до монгольского ига*. М., 1871. Т.1. С. 212.
- 3 Мелиоранский П. Заимствованы восточные слова в русской письменности домонгольского времени. *ИОРЯС*. СПб., 1905. Т.10. С. 130–132.
- 4 Махновец Л.С. *Літопис Руський*. К., 1989. С.357.
- 5 Автор выражает В.А. Бушакову благодарность за консультацию.
- 6 ПСРЛ 2: 684–685.
- 7 Там же. 685.
- 8 Там же.
- 9 Мелиоранский П. Заимствованные восточные слова. С.130.

Петр Толочко

Тмутороканский болван

Место *Слова о полку Игореве*, где упоминается «Тмутараканский болван», не относится к числу «темных» и, тем не менее, совершенно загадочно. Исследователей в этом фрагменте¹ озадачивало многое, но, вероятно, наиболее упорно продолжает сопротивляться пониманию именно «болван» Тмутороканя. Что это такое: еще один образчик пресловутой «образности» *Слова* или же указание на некую историческую реалию?

В попытках истолковать, что мог иметь ввиду автор *Слова* и что мог представлять собой «болван», не было недостатка. Удобным путеводителем по ним может служить статья О.В. Творогова «Болван» в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»². При всем различии высказанных предположений (некоторые из которых довольно экзотичны³) исследователи сходны в том, что фраза указывает на какое-то изваяние, некогда стоявшее в Тмуторокане или поблизости него. Но вот какое именно, мнения расходились. Г.Ф. Корзухина полагала, что речь может идти о маяке с эллинистической статуей наверху. Д.В. Айналов — о пограничном столбе в виде болвана. Н.И. Надеждин — об одной из «каменных баб», хорошо известных изваяниях кочевников. Привлекались также неясные свидетельства о якобы стоявших еще в XVIII в. на берегу Таманского полуострова «двух колоссальных статуях, воздвигнутых божествам Санергу и Астарте»⁴ (эта «колоссальность», надо думать, и навела Г.Ф. Корзухину на мысль о маяке, по аналогии с колоссом Родосским).

Подобные догадки, впрочем, оставляли без ответа вопрос: почему древнерусский автор знал об изваянии на Тамани и что именно в его глазах делало это изваяние стоящим специального упоминания в тексте *Слова*? Ни маяк, ни одна из многочисленных «половецких баб», ни статуи Санергу и Астарте никак не отмечены в истории Руси и ничем не могли бы вызвать ассоциаций у читателя. А, между тем, «болван» был знаменит: о нем упомянуто походя и как о вещи общеизвестной.

Так называемый «Тмутараканский камень» издавна связывают со *Словом*. Иначе и быть не могло: открытие обоих связано с А.И. Мусиным-Пушкиным. Над обоими висит подозрение в подлоге, и критики *Слова* автором (или вдохновите-

лем) обоих полагают Мусина-Пушкина. Среди «скептиков» многие полагали, что Тмутараканский камень и упомянут в *Слове* как «болван»: так думал А. Мазон, так думает теперь Э. Кинан⁵. Пожалуй, наиболее энергично отстаивал идею того, что под «Тмутараканским болваном» *Слово* имеет ввиду именно «Тмутараканский камень» А.А. Зимин. Версия Зимина почему-то оказалась неупомянутой в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве», но теперь, когда посмертно опубликована его книга о *Слове*, можно по достоинству оценить его аргументацию⁶. Зимин полагал фразу «и тебѣ Тьмуторананьскый бльванъ» вставкой, сделанной в текст *Слова* Мусиным-Пушкиным с целью аутентизации сомнительной для многих находки на Тамани надписи князя Глеба Святославича⁷.

А.А. Зимин писал:

В 1794 г. граф А.И. Мусин-Пушкин выпустил в свет исследование о Тмутараканском княжестве, где он приводил сведения об обнаруженном в 1792 г. Тмутараканском камне... Этот камень, возможно, являлся подножием античной статуи, а термин «бльванъ» и означает кумир, статуя, столб⁸.

Логика исследователя, вероятно, выглядела так: если Мусин-Пушкин ответствен за фразу о болване в *Слове*, он имел ввиду Тмутараканский камень, так как полагал этот последний пьедесталом статуи (потому слово и переведено как «истукан»). Если позволительно «рыскнуть в тропу» Зимина и несколько развить скудные намеки исследователя, получалось бы, что мистификатор (Мусин-Пушкин) хотел создать у читателя впечатление (или рассчитывал на уже существующее мнение), будто Тмутараканский камень изначально служил пьедесталом статуи, остатком изваяния. В момент находки памятник оказался уже разрушенным, но некогда ведь он был еще целым (с водруженной на нем статуей) и стоял во всей своей красе в Тмуторокане, почему автору XII в. и было бы уместно назвать его «болваном».

Вероятно, в рамках рассуждений Зимина было достаточно просто ассоциировать два поддельных, по его мнению, памятника, которые будут взаимно разрушать репутацию друг друга. Более детальной проработки версии в его работах не найти. Но если побуждения Мусина-Пушкина каким-то образом упомянуть камень в слове еще можно понять⁹, все же непонятным остается, почему в *Слове* он назвал «Тмутараканский камень» «болваном». Ведь бльванъ это — идол¹⁰. Это знали и первые издатели *Слова* (по Зимину — соавторы), переведя «Тмутораканький бльванъ» как «Тмутараканский истукан»¹¹. Даже если не понимать бльванъ (и «истукан») непременно как «языческий идол», все равно это — вертикально стоящее изваяние. Тмутараканский же камень, как известно, представляет собой мраморную плиту (не столб!) с горизонтально распложенной надписью. Ничто в его наружности не позволяет отозваться о нем как об идоле или даже просто вертикальном каменном столпе.

Если правоту Зимина в вопросе подложности *Слова* еще предстоит решать, в вопросе о поддельности Тмутараканского камня исследователь, скорее всего, ошибался¹².

На самом деле Мусин-Пушкин нигде не утверждает, что камень служил пьедесталом для какой-либо статуи. Он вообще воздерживается от суждения о первоначальном предназначении мраморной плиты, на которой обнаружена надпись Глеба Святославича. Все, что граф счел уместным сообщить на этот предмет (в примечании 35) было сказано со слов таврического губернатора генерал-майора С.С. Жегулина (вернее, его донесения в ответ на высочайшее указание вернуть камень на точное место находки):

приметные на верхней стороне его выдолбленные места служили, по-видимому, для утверждения его в каком-нибудь здании [выделено мною — А.Т.]; что сия верхняя сторона шероховата, а нижняя и бока все гладкие; и что поелику не может он быть на том месте, где найден, то избрано для сего поблизости пристойное и сделано во круг его ограждение с кровлею¹³.

Более того, в другом месте (в так называемом *Родословии* тмутараканских князей) о Глебе Святославиче читаем:

Сей [...] мерил Воспорской, ныне Таврической пролив [...] и в память того положил [выделено мною — А.Т.] мраморный камень, с которого здесь приложен рисунок¹⁴.

Итак, Мусин-Пушкин не полагал камень ни остатком статуи, ни даже вертикально стоящим камнем. Сомнительно поэтому, чтобы он мог считать его «болваном» в любом из значений, предлагавшихся *Словарем Академии Российской* 1789 г.¹⁵ Разумеется, к моменту открытия *Слова* он мог и поменять свое мнение, но об этом судить нет возможности.

Какими же версиями первоначального предназначения камня мог располагать Мусин-Пушкин близко времени обретения *Слова*?

Современным исследователям Тмутараканский камень знаком в виде продолговатого мраморного бруса с надписью на одной из граней. Однако такой

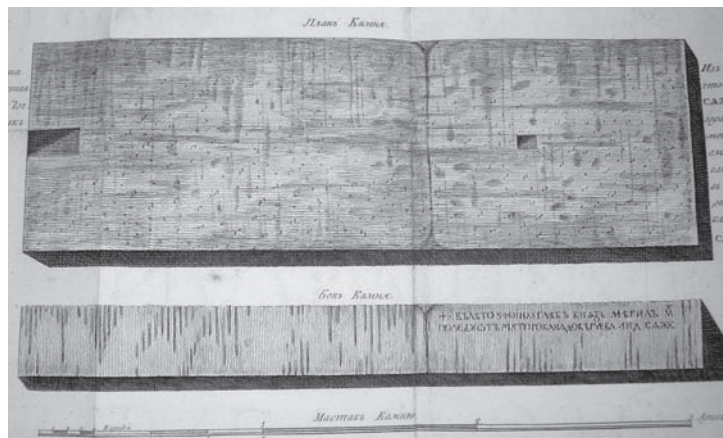

Рис. 1. Изображение Тмутараканского камня в издании А. Мусина-Пушкина

вид камень приобрел только перед перевозкой его в Эрмитаж в 1851 году (или несколько ранее, перед тем, как быть помещенным в Керченский музей). Для удобства транспортировки «все лишнее» от камня было отсечено. Первоначально же камень представлял собой довольно плоскую и широкую мраморную плиту (длинной 3 аршина 3 вершка, шириной несколько менее аршина, толщиной 5 1/2 вершка¹⁶). Его первоначальный вид можно представить себе по нескольким рисункам, выполненным по свежим следам, в том числе широко известным рисункам П.С. Палласа и Л. Вакселя (см. рис. 1–4). Нужно признать, что форма камня, избранного для надписи, а также место расположения надписи на боковой грани — не вполне ожидаемы. При горизонтальном положении плиты (а другое представить трудно) надпись видна была бы плохо. Это было ясно уже современникам находки, и они размышляли над тем, чем мог быть вызван такой выбор. Как видно из рисунков, на верхней плоскости плиты имелось небольшое, но довольно глубокое «гнездо четырехугольной формы»¹⁷. Форма камня — плита — и четырехугольное гнездо на ее верхней плоскости заставили предположить, что Тмутараканский камень первоначально служил конструктивной деталью в здании. Такое заключение сделал уже первый ученый очевидец камня, П.С. Паллас, и версия Мусина-Пушкина (способствовавшего его «экспедиции» для инспекции камня в 1793 г.) несомненно опирается на мнение академика:

Это — плита белого мрамора, трех аршин и трех вершков длины, полирована с нижней стороны и с поперечных, а наверху грубо околота, с выделанной дырой для железной скобы; как кажется, была положена над дверью¹⁸.

Точно также и следующий исследователь камня А. Оленин мог сообщить о его изначальном предназначении только то, что уже содержалось в книге Мусина-Пушкина¹⁹. Ничего на этот счет нельзя найти и в публикации другого раннего очевидца камня — И.С. Вакселя²⁰.

Установить, кто первым высказал идею, что Тмутараканский камень служил некогда основанием статуи, не так легко.

А.А. Медынцева называет это мнение «широко распространенным», но высказывается против:

Такому предположению противоречит то обстоятельство, что верхняя грань его [каменя — А.Т.] очень неровная (это видно на всех рисунках), а нижняя — гладкая, отполированная. Очевидно, в настоящее время невозможно определить первоначальный вид и положение камня в то время, когда на нем высеклась надпись [...]»²¹.

А.А. Зимин, скорее всего, опирался на утверждение Б.А. Рыбакова в его незадолго перед тем вышедшей книге «Русские датированные надписи»:

Надпись высечена на большой мраморной плите (100x200 см), являвшейся, очевидно, подножием античной статуи²².

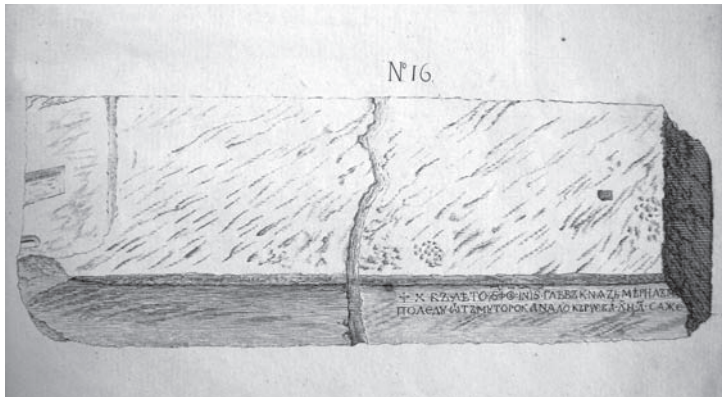

Рис. 2. Изображение Тмутараканского камня в издании Л. Вакселя

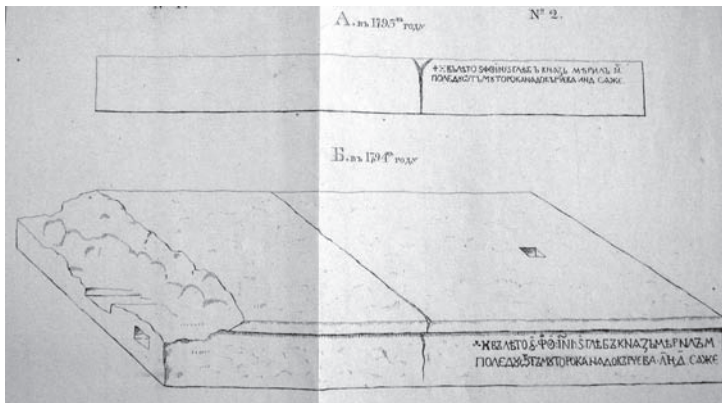

Рис. 3. Изображения Тмутараканского камня в книге А. Оленина

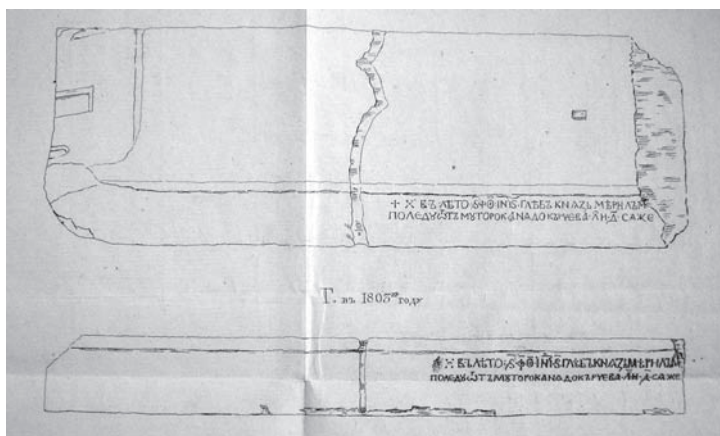

Рис. 4. Изображения Тмутараканского камня в книге А. Оленина

В свою очередь, Б.А. Рыбаков просто кратко изложил соображения А.А. Спицына 1915 г.:

По верхнему краю лицевой стороны проходит фальц, шириною до 1 верш., толщиной до 1 см; он также был гладок на всем протяжении, но теперь сильно выщерблен широкими выемками. Фальц шел по всю длину плиты. Верхняя поверхность очень неровная; она обколота грубыми кусками и не сравнена, так что, должно сознаться, служила плохим порогом к двери. Край на 2-3 верш. гладкий, слегка поднимающийся, так как далее подымается и вся неровная площадь грани, то получается такое представление, что на плите находилась какая-то скульптура, грубо удаленная. Справа, в расстоянии от краев в 14 и 13 см, небольшое, но глубокое гнездо четырехугольной формы, в общем довольно небрежное, поставленное слегка вкось. Длина его 1 верш., ширина более $\frac{3}{4}$ верш., глубина $1\frac{3}{4}$ верш. Гнезда, как видно из старых рисунков, имелись и на левом боку плиты. Таким образом, в общем представляется, что плита в начале имела вид чего-то вроде крышки саркофага со скульптурою. Рабочие сняли остатки фигур и начали делить плиту кирками пополам, когда были остановлены в этом Розенбергом. Тем не менее для помещения в виде порога плита, вероятно, подверглась некоторой дальнейшей обработке, именно сглаживанию сверху и с боков²³.

Заклучение Спицына в значительной степени есть следствием независимых наблюдений, но подобное мнение бытовало и ранее. В начале XX в. мысль о том, что Тмутараканский камень представлял собой пьедестал для статуи обсуждал (скептически) А.И. Шляпкин²⁴. Как установила А.А. Медынцева, Шляпкин опирался на заметку о камне некоего Н. Р.-ва, опубликованную в «Отечественных достопамятностях»²⁵ (ч. II, 1823), где подобное утверждение, впрочем отсутствует.

Можно было бы думать, что повод полагать камень подножием статуи подали официальные лица, занимавшиеся летом 1793 г. возвращением камня на Тамань и сооружением над ним навеса. В их переписке камень довольно последовательно именуется «монументным камнем», как это явствует из «Подлинного дела о Тмутараканском камне». Но оказывается, что «монументом» в переписке именуется сооружение вокруг камня, так что «монументным» Тмутараканский камень оказывается потому, что его предполагалось поместить внутрь «монумента»²⁶.

Скорее, толчком к возникновению версии о пьедестале памятника послужило иное событие в судьбе Тмутараканского камня. В 1803 г. Тамань посетил Н.А. Львов. Он разыскал камень, оказавшийся, по его отзыву, в небрежении и решил сделать его центральной частью памятника, увековечивающего различные эпохи в истории Тамани, а также — открывателей и радетелей камня²⁷. Памятник представлял собой обломок античной статуи («мраморного изваяния воина»²⁸), водруженный как на пьедестал на Тмутараканский камень. В литературе бытуют противоречивые мнения относительно того, был ли памятник действительно сооружен, или только спроектирован Львовым. Но его изображение (акварель художника Иванова, путешествовавшего с Львовым) поместил на

- 1 «дивь кличеть врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ, влзѣ, и по морію, и по Сулію, и тебѣ Тьмотораканьскій бльванъ».
- 2 Творогов О.В. Болван. *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. С. 131–132. См. также статью «Болван — бльванъ» в «Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» (Т. 1. Л., 1965).
- 3 Из неупомянутых в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» следует отметить статью Р.С. Орлова, связавшего «Тмутараканского болвана» с известиями о серебряном идоле, якобы найденном в 1701 г. в Чернигове; металл идола был использован при изготовлении царских врат Борисоглебского собора. По мнению исследователя, серебряный идол (изображение Гелиоса?) мог быть привезен Олегом Святославичем из Тмудороканя (см.: Орлов Р.С. «Тмудороканьскій болван» «Слова о полку Игоревім». *Старожитності Південної Русі*. Чернігів, 1993. С. 176–183.
- 4 Творогов О.В. Болван. С. 132.
- 5 Edward E. Keenan, *Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale* (Cambridge, Mass., 2003), 234–236. Кинан полагает, что «бльванъ» объясняется из чешского *balvan* в значении «кусок необработанного камня» и в *Слове* упомянут как своего рода граничный столб, маркирующий (по мнению автора *Слова*) наиболее южные и восточные пределы Руси.
- 6 Зимин А.А. *Слово о полку Игореве*. СПб., 2006. С. 363–364. Впрочем, в книге практически дословно повторено то, что А.А. Зимин опубликовал в статье 1966 г., недавно также изданной в английском переводе: *A.A. Zimin and the Controversy over the Igor Tale* [=Russian Studies in History, vol. 45, 2 (2006)], 35–62.
- 7 Признаками вставочности А.А. Зимин полагал несоблюдение вокатива в обращении к болвану, а также нарушение размера.
- 8 Зимин А.А. *Слово о полку Игореве*. С. 364.
- 9 Что, кстати говоря, должно свидетельствовать о том, что граф полагал камень неподдельным: допуская, что Мусин-Пушкин знал о новейшем происхождении *Слова* или даже был каким-либо образом причастен к его написанию, он мог упомянуть новонайденный камень с древнерусской надписью только если был совершенно уверен в его подлинности. Несомненно подлинная реалья в пока сомнительном тексте служила бы удостоверением его (текста) неподдельности. О занятиях графа Тмутараканским камнем см. недавно: Аксенов А.И. *С любовью к отечеству и просвещению. А.И. Мусин-Пушкин*. Рыбинск, 1994. С. 58–78.
- 10 *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Под ред. Р.И. Аванесова. Т. 1. М., 1988. С. 328. Так же трактует слово и «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» (вып. 1. М., Л., 1965, s.v. «болван», едесь же и некоторые версии толкования), что, вероятно, должно означать, что в «Слове» «бльванъ» употреблено в его обычном славянском значении.
- 11 «Истуканъ» и в древнерусском, и в русском языке XVIII в. также означал «скульптурное изображение божества, идол» (*Словарь русского языка XI–XVIII вв.* Вып. 6. М., 1979. С. 338).
- 12 См., впрочем недавно: Brian Boek, “Stone of Contention: Medieval Tmutarakan’ As a Measure of Soviet Archeology in the 1950s and 1960s,” *Ruthenica* 4 (2005), 32–46; Brian Boek, “A Tale of Two Stones: Comparing Contested Epigraphic Artifacts from Kensington, Minnesota and Kievan Rus’,” *Russian History/Histoire russe* 32, 3–4 (2005), 297–312.
- 13 *Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения. Издано по высочайшему ее императорского величества повелению*. СПб. Печатано в типографии Корпуса чужестранных единоверцев 1794 года. С. 57–58.
- 14 Там же. Л. 2 нenum.
- 15 Здесь статья «Болванъ» заключает в себе буквально следующее: «1) Кумир, истукан, изваяние, вещественное изображение. Язычники поклонялись болванам, как некоторому божеству. 2) обрубок дерева, у коего верх круглой, на котором парики, шляпы, шапки и другие головные уборы выправляют. 3) образец, сделанный из глины, на которой льют колокола, пушки и другие подобные вещи. 4) * человек глупой. Болван неотесанный. Какой ты болван!» (*Словарь Академии Российской*. Часть I от А до Г. СПб., 1789. Стб. 269). «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» содержит буквальное воспроизведение этой статьи (Ч. 1. А–Д. СПб., 1806. С. 276).
- 16 Медынцева А.А. *Тмутараканский камень*. М., 1979. С. 7. В пересчете это составляло бы 213 на 71 на 24, 2 см.
- 17 Там же. С. 7.
- 18 Паллас П.С. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг.* М., 1999; интересный нас текст помещен на сайте: www.vostlit.info/Texts/rus6/Pallas/2frametext5.htm). Свое предположение, как видно, Паллас успел сообщить властям, так как донесение Жегулина воспроизводит его. Это мнение в новейшее

- время разделял А.Л. Монгайт: «Судя по внешнему виду, плита не была нарочно приготовлена для надписи, а надпись сделана на случайном камне от какого-то сооружения, вероятно, еще от античного монументального здания. Небольшое, но глубокое четырехугольное гнездо на верхней стороне плиты, по мнению Палласа, было сделано для железного упора, служившего опорой двери. Той же цели мог служить проходящий по верхнему краю лицевой стороны фальц толщиной в 1 см, шириной 1,5 см» (Монгайт А.Л. *Надпись на камне*. М., 1969. С. 90, 92).
- 19 Оленин А. *Письмо к графу А.И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792-м году*. СПб., 1806.
 - 20 *Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, снятые с подлинников в 1797-м и 1798-м годах, с приложением географической карты тех мест, где оные памятники обреты с древними наименованиями*. СПб., 1801.
 - 21 Медынцева А.А. *Тмутараканский камень*. С. 7.
 - 22 Рыбаков Б.А. *Русские датированные надписи XI — XIV веков* [= Свод археологических источников. Е- 1–14] М., 1964. С. 16.
 - 23 Спицын А.А. Тугараканский камень. *Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества*. Т. 11. Пг., 1915. С. 115–116.
 - 24 Медынцева А.А. *Тмутараканский камень*. С. 21.
 - 25 У Медынцевой ошибочно «достопримечательности».
 - 26 Подлинное дело о Тмутороканском камне ([www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1780–1800/Delo_Tmut_kamne_1793/text.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1780-1800/Delo_Tmut_kamne_1793/text.htm)). Не отсюда ли «монументальное здание» Монгайта? (см. прим. 18).
 - 27 Об этом см. в последнее время: Майофис М.Л. Тмутараканский камень в культурном строительстве конца XVIII — начала XIX века. *Философский альманах*. Вып. 10. *Философия как судьба: Российский философ как социокультурный тип*. СПб., 1999. С. 135–136.
 - 28 Это именно та скульптура, которую во время своего путешествия на Тамань видел и позднее описал («Я видел также между другими остатками древних скульптурных работ половину торса фигуры воина в латах и одеянии, довольно грубого исполнения») Паллас.
 - 29 Сам Оленин положительно был уверен, что памятник был сооружен.

Алексей Толочко

Галицкие «приточки»

В *Галицко-Волынской летописи* нет недостатка в своеобразных персонажах. Есть там люди, изъясняющиеся образно и даже иносказательно. Как правило, эта способность выступает в летописи столько же личным дарованием персонажа, сколько и (а, быть может, прежде всего) результатом особой начитанности в «книгах». Умение высказываться образно и книжно обозначается в летописи характерными оборотами: «говорить притчами», «говорить от прич»¹.

Что же такое *притча*? И что значит *говорить притчами*? В старославянском языке прѣтъѣ имело значения: *притча; поговорка; пример, образец; иносказание, намек*². Такие же значения характерны и для древнерусского узуса, но добавились и новые: *загадка, доказательство, неудачное приключение, наконец, посмешище, предмет пересудов*³. Средневековый любитель книг мог узнать довольно полный набор значений слова *притча*, например, из особого, довольно, впрочем, темно переведенного, рассуждения в *Хронике* Георгия Амартола, трактующего — на различных примерах из *Писания* — всевозможные оттенки слова: